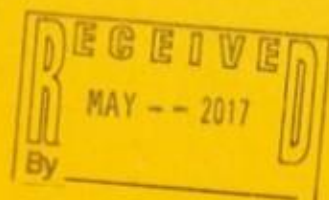

Александр Барков

Весёлые
книжки

Про рыжего плута Ваську

THIS BOOK IS PROPERTY OF
SEATTLE PUBLIC LIBRARY

THIS BOOK IS PROPERTY OF
SEATTLE PUBLIC LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Kahle/Austin Foundation

Александр Барков

Про рыжего плута Ваську

Рассказы и сказки

Художник Геннадий Соколов

Москва
«Махаон»
2017

- Б25 Барков А.С. Про рыжего плута Васюку : рассказы и сказки / А.С. Барков ; худож. Г. Соколов. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. – 80 с. : ил. – (Весёлые книжки).

ISBN 978-5-389-12494-3

Александр Сергеевич Барков – известный детский писатель, сочинивший много светлых, добрых, порой поучительных историй для детей.

В этой книге собраны рассказы и сказки для дошкольников 5-6 лет о дружбе ребят с братьями нашими меньшими – весёлым псом Дымкой, любознательным ежом Фомкой, неугомонным воронёнком Карлом, шустрим бельчонком Скоком и другими животными. Общение с ними, наблюдение за их повадками не только доставляет ребёнку огромное удовольствие, но учит доброте и ответственности за тех, кого мы приручаем.

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Барков А.С., 2016
© Соколов Г.В., иллюстрации, 2016
© Оформление,
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Махаон ®

ISBN 978-5-389-12494-3

ПТИЧИЙ ДРЕССИРОВЩИК

Когда я был маленьким, то мечтал выступать в цирке. Дрессировать тигров, львов, слонов, медведей и обезьян. Но это потом, когда вырасту большой. А пока я начал учить нашего лопоухого щенка Пирата и рыжего кота Кузю. Ух, как я их дрессировал! Даже пот со лба градом лил, а они всё равно не слушались. Пират никак в кольцо не прыгал, а мурлыка Кузя лапу не подавал.

Ребята во дворе смеялись:

– Глядите-глядите! Петька-циркач идёт!

Крепко обиделся я на них и рукой махнул на это дело.

Отец узнал про моё огорчение и посоветовал:

– Ты, Петя, лучше для начала вот что: попробуй-ка птиц приручи...

– Птиц? – удивился я. – Да к ним и близко не подойдёшь...

Отец пояснил:

– Ты с раннего утра, перед школой, насыпь зёрен в кормушку и стой рядом. Пусть к тебе крылатые привыкнут.

Так я и сделал. А спустя неделю спрашиваю у него:

– Долго ещё стоять?

– Нет, теперь тебя птицы признали. Ты для них друг, – улыбнулся отец. – Положи на варёжку конопли, руку вытяни и стой смирно. Вот увидишь, скоро они сами к тебе прилетят.

Наутро я так и сделал – насыпал на варёжку зёрен и притих. Птицы заметили угощение на новом месте и тоже замерли в ожидании. Потом одна, самая смелая синица в чёрном берете – скок-поскок... схватила зёрнышко с варёжки и улетела. Уселась на забор

и принялась его долбить. За ней ещё две наведались. Даже голубой акробат поползень отважился...

С того дня птицы подружились со мной. По пути в школу звонкой песней встречали и с рук корм брали.

Я очень обрадовался! Наконец-то я стал настоящим дрессировщиком. И не каким-нибудь, а птичьим!

ДЫМКА – ХВОСТ БУБЛИКОМ

Жил в нашем доме пёс – весёлый, пушистый, хвост бубликом. Звали его Дымка. Всем хорош да удал, но был у Дымки большой недостаток. Уж очень он кур не любил: стоило ему издали увидеть петушиный гребень или куриный хвост, как тут же вострил уши и грозно лаял. Усмирить собаку было трудно. Пока не разгонит всю куриную компанию – не успокоится.

Как-то шли мы с Дымкой вдвоём. Я в школу торопился, а он провожал меня. И вдруг – на лесной тропе цыплёнок. Ощипанный, хромой, такой жалкий. Как он сюда попал, трудно сказать. Только первую помощь оказать ему надо было срочно.

В школу опаздывать я не мог. А назад возвращаться далеко. Что тут поделаешь?! Обвязал цыплёнка носовым платком, дал Дымке в зубы и приказал: марш домой!

Пёс поморщился, чихнул, но всё же нехотя взял узелок и, поджав хвост, побежал.

Дома Дымка положил узелок на крыльцо, отошёл в сторонку и призывно тявкнул.

Мать услышала лай, выглянула в окно и увидела, что-то Дымка принёс: какой-то «сюрприз». Развязала платок, а там подранок цыплёнок. Забинтовала бедолаге лапу и накормила.

На пятый день цыплёнок поправился, стал скакать и повеселел. А к зиме подрос и превратился в рыжего, с синими разводами на крыльях, горластого петуха.

И хотя Дымка – хвост бубликом по-прежнему недолюбливал куриное племя, с этим красавцем-петухом по кличке Витязь подружился. А однажды ночью от плутовки-лисы его спас.

ЁЖ ФОМКА

Возвращался я в сумерки со станции домой. Вижу – по дороге ёж бежит. Он тоже меня заметил, фыркнул и свернулся клубком.

Посадил я ежа в кепку, принёс домой и назвал Фомкой.

В комнате Фомка развернулся, громко забарабанил ножками по полу. Стал шарить по углам: место себе облюбовывал. Наконец нашёл за печкой старый подшитый валенок и забрался в него.

А на том валенке любил дремать кот Барсик. Всю ночь до утра он где-то бродил, а затем полез за печь,

лёг на своё излюбленное место. И тут же отчаянно мяукнул, выскочил на середину комнаты, зашипел и выгнул спину дугой.

В то утро кот столкнулся с небывалым чудовищем! Старый, залатанный валенок ожил: чихал, кашлял, отчаянно фыркал. А в довершение всего из него выкатился серый колючий клубок... С перепугу Барсик прыгнул на шкаф.

Я решил: теперь коту спокойной жизни не будет. Но ошибся. Недели через две кот и ёж помирились. Даже молоко стали пить из широких блюдеч.

А вскоре Фомка поймал мышонка и показал его Барсику. Смущённый кот заурчал и ушёл в дальний угол. Он был ленив и мышей не ловил.

Осенью я пустил Фомку под дом. Но каждый вечер, часам к девяти-десяти, он приходил к крыльцу и стучал по блюдцу лапами: молока требовал.

На зов колючего друга являлся кот. И по-прежнему они ужинали вместе. Правда, ели из разных блюдец. Но самое удивительное, что с тех пор и Барсик начал ловить мышей. Недаром говорится: с кем поведёшься, от того и наберёшься.

БЕЗ МАМЫ

Решили мышата из тёмного погреба в сад убежать: побегать, поиграть, порезвиться на свободе. Только из-под крыльца в дырочку вылезли – сразу с головой в траву окунулись. Здорова! Весело! На ромашках, как на качелях, раскачиваются. На одуванчики дуют. С колокольчиков, как с парашютами, вниз головой прыгают...

Потом вздумали метёлки травы тимopheевки между коготками продёргивать, загадывать, что получится...

– «Петушок» или «курочка»? – пропищал один мышенок и дёрнул травинку вверх.

– «Курочка!» «Курочка!» – в один голос ответили братцы.

– Верно!

– А теперь ты давай отгадывай... Вон видишь, какая толстая, пушистая травинка выглядывает. Что будет?

– «Петушок», наверно?!

– Сейчас проверим...

Навалились мышата всей гурьбой – хлоп!

А это оказался кошкин хвост!

ПОЖАРНИК КАРЛ

Жила на нашем доме кошка Маркиза. Кошка как кошка, но вот беда: частенько на птиц охотилась. Знал я это и следил за ней.

Отобрал я как-то у неё воронёнка, а что делать с ним дальше, не знаю.

– Сперва ящик сбить надо. Потом червей накопать и булку в молоке размочить, – посоветовал сосед. – И кормить почаще. Воронята прожорливы.

С того дня в нашем доме поселился Карл. Так прозвали воронёнка. И неспроста. По утрам он чуть свет просыпался и требовал есть:

– Карл-карл!

Вскоре воронёнок подрос. Стал летать на крышу дома, садился на старый дуб, на трубу. Но стоило только взять червяка и позвать «Карл, Карл!», как он тут же слетал и садился на руку, широко разевал клюв... угощения требовал. Совсем ручным сделался.

А однажды наш воронёнок отличился. Можно сказать, героем стал!

Когда утром у соседа сарай загорелся, Карл первым заметил. Стал отчаянно каркать – словом, всех жильцов поднял на ноги.

Вскоре огонь потушили. Горластого Карла накормили досыта гречневой кашей. С тех пор его и прозвали Пожарником!

ЛУКЕРЬЯ-КУДЕСНИЦА

Вечера в Крыму звёздные. Поблизости от нашей ма-занки на столбе висел фонарь. На яркий радужный свет его слетались ночные бабочки.

«Вот бы собрать коллекцию ночниц, – решил я, – и показать в нашем классе!» Зажав в руке сачок, я заметил в весёлом хороводе бабочек одну удивительную – бражника «мёртвая голова». Поднял сачок... и тут же отпрянул: что-то пушистое стремительно и бесшумно прорезало полосу света. Бабочка у меня на глазах исчезла. Какая-то крылатая охотница опередила меня! «Ладно, – думаю, – не велика потеря». Но вскоре птица снова прилетела и поймала ещё одну большую ночницу. Да так она всех бабочек переловит! Я вот ей покажу! И побежал к соседу за сеткой – он был любитель-птицелов. А по пути наскочил на ночного сторожа Константина Федотыча.

– Чего несёшься сломя голову?

– Да как же! – И я рассказал ему о птице.

– Ишь, дело важное, – усмехнулся старик. – Да это сова-сплюшка промышляет.

– Промышляет, промышляет! – буркнул я. – Вот пой-маю, хвост накручу, сразу перестанет.

– Нечто тебе её словить? – Старик безнадежно махнул рукой. – Лучше совы, поди, никто в наших краях не прячется.

– Значит, не поймать?

– Поймать трудно, а увидеть можно. – Константин Федотыч поманил меня к себе в дом.

Мы вошли в избу. Резные ходики монотонно тикали на стене. Сторож снял ботинки и полез по узкой скрипучей лестнице на чердак. А я присел на лавку.

Вскоре скрипнула, ожила лестница. Константин Федотыч включил свет и будто невзначай достал из-за пазухи что-то похожее на шерстяной клубок и подбросил его к потолку. Клубок плавно закружил над абажуром.

Полетав по комнате, птица ловко поймала ночницу и опустилась Константину Федотычу на палец.

– Узнаёшь?

Я молча кивнул. А дальше пошло ещё чудеснее. Когда мы сели за стол, вместе с нами ужинала и сплюшка. Она примостилась на спинку стула и как бы подбо-ченилась. Константин Федотыч нарезал мясо маленькими кусочками и подал ей, как знатному гостю, прямо на тарелке. Сова нахохлилась, вытянула крыло в сторону, изогнулась и лапой, как вилкой, взяла кусок мяса.

Я поразился: наверное, ни одна птица на свете не умеет есть так культурно!

– Лукерья-кудесница! – представил сторож. – Третий год на чердаке проживает. С птенца растил.

Затем он распахнул окно и выпустил птицу в тёмный сад. Вскоре оттуда донеслись мелодичный свист и тихое бормотание: «Сплю, сплю, сплю...»

– Слышь? Лукерья ночь баюкает. – Сторож постучал в такт песне по столу: так, так, так... – А ты её словить хотел.

– Да я из-за бабочек...

– Велика беда – из-за бабочек. Бабочек-то в другой раз наловишь. А что за крымская ночь без совы? В наших краях сплюшку уважают. «Ночными часами» зовут!

ЖИВОЙ БАРОМЕТР

В субботу к нам в гости зашёл дядя Гриша. Он был геолог. Недавно из тайги приехал. Посмотрел дядя в окно на низкие, лохматые облака и спрашивает меня:

– Знаешь, как погоду предсказывают?

– По барометру...

– Хочешь, я тебе живой барометр подарю?

– Как так «живой»?

– Очень просто, – усмехнулся дядя. – Забегай ко мне завтра утром – увидишь...

На другой день я спозаранку прибежал к дяде, а он кивнул мне в знак приветствия, по старой привычке потёр ладони и клетку с забавным зверьком протягивает. Мордочка у него беличья, только уши круглые, без кисточек. Глаза – чёрные, словно смородины. Шубка – рыжая, а на спине пять тёмных полосок. Куцый хвост торчком. Забавный!

– Держи бурундука!

– Спасибо! А при чём тут барометр?

– Скоро узнаешь! – Дядя похлопал меня по плечу. – Забирай! Теперь у тебя в доме будет жить таёжный зверь! Кедровыми орехами, семечками, ягодами да грибами его кормить надо.

Радостный, я вернулся домой, поставил клетку на подоконник, а сам гляжу на зверька в недоумении: «Ну как же такой кроха погоду угадывает?»

Бурундучишка тем временем знай себе таскает подсолнухи из кормушки. Набьёт полный рот и с раздутыми щеками в дуплянку спешит. Там кладовая у него.

Смеркалось. Из приоткрытого окна веяло сыростью и прохладой. Зверёк сел на задние лапы, передними щёки подпёр и, слегка раскачиваясь, начал кашлять. Я перепугался и скорей к дяде:

– Простыл бурундук!

– Кашель, что ли?

– Кашляет, – подтвердил я.

Дядя меня успокоил:

– Ну раз бурундук кашлять вздумал, значит, жди грозы.

И дядя прав оказался. Не успел я вернуться домой и за собой калитку захлопнуть, как вдали гром прогремел. Хлынул ливень.

С той поры живой барометр не раз меня предупреждал: «Сегодня на рыбалку ходить нельзя – дождь будет». А однажды я его не послушался и... весь до ниточки промок!

ГРОЗА НА НОСУ

Жил в тайге бурундук. Чудной на редкость. Дома он себе не строил, а любил по лесу гулять. Забегается, заглядится по сторонам, вот дождь его и промочит до самых косточек. Хорошо, если на пути чей-нибудь домик подвернётся. Но лесной теремок не сразу найдёшь, не всегда и дверь откроют. Вот бурундук и решил кричать так, будто в дверь стучат:

– Тук-тук бу-рун-дук!

Сперва звери его к себе пускали, а потом решили: «Хватит! Пусть свой дом строит!» – и прогнали его из лесу.

Теперь того беззаботного бурундука уж нет и в помине. Но у всех его братцев осталась привычка. Перед грозой они становятся столбиком, подпирают лапками мордочку и печально выговаривают:

– Тук-тук бу-рун-дук!

Вот звери в тайге и смекнули: раз бурундуки затака-ли – значит, гроза на носу. Скорей по домам прячутся!

ТАЙНА СТАРОГО ЧЕРДАКА

В один из погожих летних деньков к пасечнику Егору Ивановичу Белову в деревню Ладинка приехал погостить из Москвы внук Максимка.

Дед сгрёб внука в охапку, чмокнул в щёку:

– Ого-го, какой вымахал! В прошлые-то разы, помнится, от горшка два вершка был, а нынче, того и гляди, Десну переплывёшь...

– В сентябре в школу... Мне мамка букварь и форму купила. А ты, деда, как?

– Скрипим помаленьку! – Дед спохватился: – Да я ведь тебе гостинец припас...

Егор Иванович поманил внука на чердак. Скрипучая лестница сладко пахла яблоками и грушами.

– Глянь-ка, Максим! – Дед огладил усы, распахнул дверцу и ахнул: – Срам-то какой!

Заветный дубовый сундук с оторванной крышкой пустовал – груши были разбросаны по полу.

Максим поднял грушу, повертел в руках и протянул деду: сердцевина у неё была выедена.

Старик с досадой почесал затылок:

– Вот тебе и сюрприз! Кто-то здесь похозяйничал!

– Может, мыши?

– Спокон веков в нашем доме ни мышей, ни крыс!

– Тогда кто ж?

– Кто? Кто? – осерчал дед. – Больно скорый! Поживём – увидим...

В тот вечер Егор Иванович постелил себе постель у лестницы на чердак, стал караулить вора.

В первую ночь не сомкнул глаз, но никто не пожаловал. Во вторую – схитрил: подбросил вору для приманки переспелых груш. Ждал, ждал, ворочался, ворочался с боку на бок, да как на грех захрапел. Проснулся чуть свет, поднялся на чердак, а там груши снова разбросаны и попорчены. На третью ночь дед положил под подушку будильник, чтобы, случаем, не задремать. Зажёг фонарь. Перелистал газету, зевнул раз-другой и только окунулся в сладкую дрему, как наверху зашуршало.

Дед поднял голову: не почудилось ли?

Шуршание повторилось.

Приложил к уху ладонь, стал прикидывать, кто бы это мог быть. Хомяк? Но хомяк в эту пору в поле. Да так высоко хомяк и не заберётся. Белка? Белка по ночам в дупле спит. Но кто же тогда? Кто?

И тут воришка сам дал о себе знать – пискнул тоненьким голоском и легонько зацокал.

Егор Иванович схватил фонарь, поднялся наверх и плотно притворил за собой дверцу.

Крохотный серый зверёк испугался яркого света и заметался из угла в угол. Дед изловчился и накрыл его решетом.

Утром Максим сразу заметил перемену в настроении деда. Глаза его по-молодому сверкали, а жёлтые от табака пальцы проворно барабанили по столу.

– Поймал, что ли?

– А то как же! От старого да лукавого далеко не убежишь!

Егор Иванович лихо огладил усы и поманил внука за собой в сени. Там, в ящике, накрытом частой сеткой, сидел зверёк.

– Ух ты! – удивился Максим. – Такая кроха!

– Кроха крохой, а сколько хлопот доставил. Знаешь, как его величать?

– Не-е... – мотнул головой внук. – В первый раз вижу...

– Соня-полчок.

– Почему соня?

– Спать больно здоров. По осени заляжет, а проснётся только летом, в июне...

А полчок будто смекнул, что о нём идёт речь, встал на задние лапки, тревожно понюхал воздух. И тут внук разглядел пушистого зверька. Брюшко у него белое, спина – буровато-серая, лапки – с острыми коготками, а хвост длинный, пушистый, серебристо-серый. Глаза большие, круглые, чёрные и очень внимательные. Усы двигаются взад, вперёд и в стороны.

– Так вот кто груши раскидал! – Максим погрозил зверьку пальцем. – Забавный!

– Раз забавный, пусть у нас поживёт. Это тебе за место груш. Сюрприз!

– Спасибо! А чем его кормить?

– Больно любит полчок разные косточки, зёрнышки да орехи.

– Вот здорово! Значит, грушу будем делить на двоих: мякоть – мне, а зёрнышки – полчку.

– Точно! А теперь ступай-ка в сарай за сенцом. Зверь-то хоть махонький, да зубастый. Долго ли ему ящик прогрызть...

Внук принёс охапку душистого сена. Егор Иванович достал клетку и, пока они готовили зверьку новую квартиру, рассказал о том, как лет десять назад в его саду поселился полчок. И до того прожорливый, что все вишни и сливы объел. Еле избавился от него – дымарём выкурил.

– Да-а... – задумчиво пробасил пасечник. – А вообще-то полчок – зверь редкий да скрытный. Не каждый о нём слышал... Наш ветеринар, Иван Гаврилович Сково-рода, к примеру, сказывал мне, что мясо полчка жирное

и сладкое. В прежние времена его за лакомство почитали. Даже императорам к столу подавали.

– Ух ты, какой знаменитый зверь! – удивился Максим. – Императорский!

– Коли понравится, в столицу с собой повезёшь. В школу отдашь. Только корми вволю. Поест он больно здоров!

И правда, у зверька оказался завидный аппетит. Он чавкал, грыз косточки и орехи все ночи напролёт. Максим просто не знал, как его прокормить! А полчок день ото дня толстел, становился круглым, как мяч.

Однажды Максим решил почистить клетку. Вынес её на крыльцо, и едва приоткрыл дверцу, как полчок юркнул у него прямо из-под руки. Мальчик погнался за ним, да не тут-то было. Зверёк скатился с крыльца, вскарабкался по стволу на черёмуху, покачался на ветке, цокнул... и перепрыгнул на тополь.

Максим рот разинул от удивления: ну и циркач!

Крохотный «акробат» пролетел метров пять по воздуху и при этом перевернулся через голову. Пока мальчик охал да ахал, полчка и след простыл.

С того дня ни дед, ни внук его больше не видели. Огорчённый Максим так и уехал в город без зверька.

А спустя месяц в Москву пришло от деда письмо: «...Вот что, окапывал я нынче сад и нашёл твоего полчка. Спит в дупле старой груши, а до дупла метра четыре высоты. Хотел было я зверьку удружить – подсолнухов насыпать! Глянул, а у него в дупле чего толь-

ко нет: и погрызенные жёлуди, и орехи, и косточки разные... Такой соня – никак его не разбудишь! Я его и за ухо теребил, и в шапку клал, а он всё спит да спит. Так что о полчке не беспокойся! Перезимует в дупле. Приезжай, Максим, летом. Разбудишь!»

ПРО РЫЖЕГО ПЛУТА ВАСЬКУ

Что и говорить, самый радостный и счастливый день в году – день рождения. Лучше дня не придумаешь. Так вот, первого сентября, на день рождения, мне подарил котёнка друг, Серёжа Кузин. Его рыжая, с белой грудью и тёмными ушами Мурка месяц назад семь котят родила.

Серёжина мать сердилась:

– Не дом, а уголок Дурова!

А Серёжа настаивал на своём:

– У Дурова в доме даже морские львы жили, а у меня кошки – обыкновенные домашние животные...

– Домашние! – не унималась мать. – Но кошек-то восемь. Им отдельная квартира нужна!

Серёжа заикнулся было насчёт ванной, но мать замахала на него руками:

– Вот тебе три дня, куда хочешь этих котов неси!

От великих забот и хлопот Серёжа осунулся и даже умываться забывал. Всё ходил по знакомым, котят предлагал.

А мне достался самый последний – рыжий и худой.
– Не бойся, поправится, – успокаивал Серёжа. – Знаешь, какой он шустрый! У вас мыши водятся?

– Нет, – пожал я плечами.

– А мухи?

– Чего-чего, а мух хватает.

– Вот здорово, он их прямо на лету ловит!

Так у нас появился кот Васька. И с того часа жизнь моя переменялась. Кот и вправду шустрый оказался. За неделю почти всех мух переловил, да как на грех тарелку с холодцом опрокинул. Тарелка вдребезги, а мне выговор.

И так каждый раз: Васька мясо стянет, а ругают меня: плохо воспитываешь. А что с ним поделаешь, если у него самый настоящий звериный инстинкт? Я на кота и цыкал, и веником грозил, и в кладовку запираю – всё равно не помогало. Но выпускать во двор Ваську боялся: сбежит ещё «подарок».

За зиму котёнок подрос, округлился и дожил у нас до лета, но так ни разу на улице и не побывал.

В начале июня воскресным утром мы поехали к бабушке в деревню. Погрузили в машину тюки, чемоданы, тахту, а Ваську я для надёжности сунул в мешок.

Приехав в деревню, мы вначале вещи сняли, а потом уж я за мешок взялся...

– Чего там у тебя, внучек? – спросила бабушка.

– Подарочек! – улыбнулся я и вытряхнул Ваську.

А кот испугался яркого света да как заорёт: «Мя-яу!» И так зычно, что Полкан у соседей лаем зашёлся

и чуть с цепи не сорвался. Васька вырвался у меня из рук и – шасть под дом.

Дотемна не показывался оттуда. Я не на шутку перепугался: а вдруг кот погибнет? Но бабушка меня успокоила:

– Спервоначалу городские завсегда так пугаются. Обвыкнуть им надо. Погоди, объявится твой Васька...

И верно, утром я выглянул из окна в сад и увидел там Ваську. Кот с опаской ступал по траве, останавливался, воровато озирался по сторонам. То одна, то другая лапа его на мгновение повисала в воздухе.

По временам Васька замирал, принюхивался к незнакомым, сладким, будоражащим запахам, вкуса которых он ещё никогда не чувствовал. Приглядывался к листьям, цветам, прислушивался к шороху трав, как бы ощупывал лапами неведомый деревенский мир. Васька родился в городе, где каждая вещь и мелочь были ему хорошо знакомы: и высокие скрипучие деревянные стулья, и буфет, вкусно пахнущий колбасой, и железный противень с песком в коридоре, и мягкое, продавленное кресло, на котором, свернувшись клубком, он любил часами сладко дремать. А здесь всё было для кота ново и удивительно: и увешанный белым пухом тополь у калитки, и длинный скрипучий журавль колодца, и солнечные блики, вспыхивающие и гаснущие в росе.

Но вот Васька насторожился: чёрный со светлыми кольцами шмель прогудел у него перед носом и важно опустил на цветок. Такого нахальства кот не ожидал. Он сжался в комок и прыгнул, но тут же затряс головой, зашипел и откатился назад. Ведь шмель грозный, кусачий – это не сонная комнатная муха.

Перепуганный кот снова залез под дом. Он просидел там до сумерек. Вечером у колодца я видел, как он жадно лакал воду из лужи и под его мягкой лапой покачивалась луна.

Спустя неделю Васька обвык, и я не раз замечал его то на чердаке, то на заборе, то на ветке тополя. На вольном воздухе он вымахал в настоящего кота,

окреп и стал похож на тигрёнка. По ночам охотился за мышами, а домой наведывался только к обеду.

На зорьке повадился Васька ходить со мной на рыбалку. Заметит, как я из сарая удочки достаю, и побегит по тропе прямо к реке. Разложу я снасти на бугре у тихого омута, а кот усядется невдалеке, наострит уши и поджидает.

Попадётся на овсяную кашу пескарёк или малая плотвица – я брошу рыбу через плечо Ваське: угощайся, рыжий! А кот рад. Бросится на неё, заурчит, выгнет спину дугой. Порой даже вверх подбрасывает, словно в бабушкин клубок играет.

– Ишь живодёр! – корил я Ваську.

А коту пришлось по вкусу живая рыбка.

Стою, бывало, я с удочкой на мостках, не шелохнусь, а рядом на песчаной отмели кот сидит затаившись, рыбу промышляет. Прищурит зелёные плутовские глаза и караулит мальков. Проплывёт стайка рядышком, а кот – хлоп лапой по воде. Да всё впустую. Мелочь сверкнёт на солнце и рассыплется серебристым веером в разные стороны. А Васька зажмурится, недовольно крутнёт головой и потрясёт в воздухе мокрой лапой. Так рыбак из него и не вышел!

В конце августа погода испортилась, зачастили дожди. Застучали по железной крыше.

Серым прохладным утром мы увязали тюки с одеждой, набили яблоками авоськи и чемоданы, собрали букет пышных астр и собрались ехать в город.

– А где Васька? – спросила мама.

Я тут же понёсся в сад искать беглеца. Но он куда-то исчез. Я долго звал Ваську, манил колбасой, но кот, смекнув что-то неладное, так и не показывался. Ему совсем не хотелось ехать в город.

Наконец прикатила грузовая машина, а о Ваське ни слуху ни духу.

– Да ты не убивайся, внучек, – успокаивала бабушка. – Лучше оставь мне кота. В городе он теперь, поди, пропадёт. Скучать будет.

И мы с мамой согласились. Конечно, жаль рыжего плута Ваську, да разве найдёт он в нашей квартире на четвёртом этаже мышей, пахнущую грибами и оладьями русскую печь, тихую родниковую речку Ольшанку, бабушку Андреевну с кринкой тёплого парного молока.

СКОК

Вдоль берега неширокой Березайки лесорубы пилили деревья, а я сидел с удочкой на мостках – ждал поклёвки. Но, как назло, брала одна мелюзга да слюнявые колючие ерши. Я даже привстал с тоски.

– Стой! Бельчонка раздавишь! – раздалось поблизости.

Я бросил удилище и – скорей на крик.

– Какого бельчонка?

– Да, вишь, оказия, – высокий лесоруб поскрёб пятернёй затылок и кивнул на поваленную сосну: – Из дупла выпал...

– Куда ж теперь его?

– Забирай, коли хочешь, – сказал лесоруб. – У нас, вишь, какая делянка. – Он обвёл рукой большой участок леса вплоть до самой плотины. – Дохнуть некогда...

Я взял беспомощного зверька, смотал удочку и бегом домой.

Увидел меня брат и смеётся:

– Ничего себе «улов»! Ходил за окунями, а поймал белку!

Так крохотный бельчонок оказался на моём попечении.

Сперва я попробовал дать ему коровьего молока. Но сделать это оказалось нелегко: ведь малыш сам ещё не умел пить. Тогда я набрал молока в пипетку и решил закапать ему в рот. Да не тут-то было! Зверёк вертел мордочкой, не слушался меня, а самое печальное – час от часу слабел.

– Знаешь что, – предложил брат, – отдай-ка его на воспитание соседской кошке Маркизе. Я слышал, у неё на днях котята родились. Может, и бельчонка примет...

С опасением отнёсся я к предложению брата, но иного выхода не было. Поздно вечером, когда Маркиза убежала под дом ловить мышей, я подложил бельчонка котяткам. К великому моему удивлению, Маркиза заботливо отнеслась к приёмышу. Стала кормить и облизывать его точно так же, как и своих кровных детей.

Вскоре бельчонок поправился, набрался сил. А когда котята начинали играть – кусаться и царапаться, он во-стрил уши и сердито цокал на них. Если же шалуны не унимались, то малыш бросался наутёк и искал у меня защиты. Забирался по брюкам в карман и от-сиживался там с видимым удовольствием.

Через месяц бельчонок подрос, и большая кутерьма от него в доме пошла. Проснётся раньше всех и давай зарядку делать: прыгал со стула на шкаф, со шкафа на буфет... И так до завтрака. Настоящий Скок!

Сядет наша семья за стол, а бельчонок заберётся мне на плечо. Заложит кончик хвоста между ушами и выжидает, когда я ему кусок сахара или пряник дам. Возьмёт лакомство и скорее на подоконник. Вытянется столбиком, прижмёт сахар к грудке и точит острыми зубками. А потом Скок начал озорничать: мебель грызть, обои рвать, даже мамину шляпу с гусиным пером изодрал в клочья.

Отец рассердился и отнёс его в соседний пионерла-герь: пусть там ребят забавляет.

Прошла неделя, другая... и вот однажды утром кто-то заскрёбся в форточку.

Взглянули, а это Скок! Рыжий! Большой! Пушистый!

Я обрадовался, выбежал из-за стола и протянул ему сушку. Бельчонок схватил угощение в зубы и рыжим огоньком взвился вверх по берёзе. Но теперь шалун смекнул: раз в дом его не пустили, он в пустом скво-речнике поселился. А к нам в гости наведывается. За орехами!

В далёком детстве я жил в Крыму, в крохотной ма-занке, вблизи Бахчисарая. По весне окна на ночь рас-пахивались в сад, а к утру пол был усыпан белыми лепестками черешен.

Белоснежными казались и крыша, и крыльцо, и до-рожки... После завтрака я шёл в сад, ложился под шелковицу и запоем читал рассказы Сетон-Томсона. Тайком я тоже мечтал приручить какого-нибудь зверька.

Однажды отец вернулся из похода в горы и принёс мне ежа.

– Гляди-ка, – сказал он, – какой забавный! Пыхтит, словно паровоз!

Я очень обрадовался подарку. Прыгал вокруг ежа, трогал колючки пальцем, угощал зверька хлебом.

Вечером посадил ежа в ящик, налил ему в блюдечко молока и отнёс в сени. А сам лёг спать. Утром про-снулся, заглянул в ящик, а зверёк куда-то удрал. Я ис-кал его везде: в курятнике, в малине, даже под дом лазил. Спрашивал у соседей, но ежа, как говорится, и след простыл.

Тётя Маша, узнав про моё огорчение, предложила мне котёнка, но я наотрез отказался.

На другой день её муж, дядя Гриша, принёс мне кролика-ушана, но я снова отрицательно мотнул голо-вой: мне нужен был только ёж. И тут мой друг Женька Блинов дал мне шарманку:

– Держи-ка! Веселей жить будет! – и хлопнул меня по плечу.

Весь вечер я не расставался с шарманкой. Где-то внутри неё, в небольшом ящике, мелодично позванивали колокольчики и звучал старинный вальс «Амурские волны».

Перед сном я собрался вернуть шарманку Женьке и, наигрывая, пошёл к калитке. Но, чу! В кустах шиповника кто-то завозился. Я присел от неожиданности: кто бы это?! Затем всё смолкло. Верно, показалось, подумал я и крутнул ручку шарманки: там-там-там – зазвучала мелодия вальса.

И тут кусты зашелестели, будто ожили, и прямо на дорожку выкатился ёж. Ощетинился, фыркнул и оглядел-

ся. Потом задрал мордочку кверху и начал поводить носом-угольком из стороны в сторону. А дальше ещё чудней пошло: ёж поднялся на задние лапы, будто плясать собрался.

– Чудеса! – улыбнулся я и на радостях позвал отца: – Смотри-ка... беглец нашёлся. Пришёл музыку слушать!

– Вот так новость! – рассмеялся отец и угостил ежа ватрушкой. – Да он, видно, любитель музыки!

С того дня почти каждый вечер, заслышав шарманку, ёж прибегал к нашему крыльцу. Мы так и прозвали его: «Любитель музыки».

ПОЧЕМУ ЁЖ С ЛИСОЙ ВСТРЕЧАТЬСЯ НЕ ЛЮБИТ?

Ежу в лесу никто не страшен: ни лось, ни волк, даже косолапый медведь. Свернётся клубком, иголки выставит, да как фыркнет... Попробуй-ка подступишься!

Только лиса однажды вздумала его провести. Повстречала колючего на лужайке и приговаривает:

– Ёжик, ёжик, ни головы, ни ножек. Какой ты славный!

– Пуф, фыр, уходи, кума...

– Ёжик, ёжик! Какой ты круглый, румяный, как яблочко!

– Не льсти, кума.

– Да ты не бойся. Давай я с тобой поиграю. Пока-таю тебя немного...

– Ладно уж, – согласился ёж, – покатай...

А лисе только того и надо было. Докатила колючего до лужицы. Плюхнулся ёж в воду: «Уф... сыро, холодно...» – и развернулся. А рыжая плутовка тут как тут. Схватила его за брюшко – и была такова!

Вот потому ёж с лисой встречаться не любит!

БЕЛАЯ ЛАЗОРЕВКА

Редкая это синичка! Белая, с голубыми пятнами на спине и крыльях, с узкой синей полосой поперёк шейки и коротким розовым клювом.

Люся нашла её под тополем после весеннего града. Мокрая, растрёпанная, синица сидела на земле нахлившись и прятала голову под крыло. Люся принесла её домой, и птичка начала оживать: сперва она высунула из-под крыла головку, осмотрелась, потом вспорхнула на спинку стула и принялась чиститься.

– Дочка, не тревожь птицу сегодня, пусть она выздоравливает, – посоветовала мама. – Иди-ка лучше гулять.

На другой день синица повеселела, стала бойкая, даже несколько раз пропела свою звонкую песенку.

Люся радовалась: какая красивая птичка, какая быстрая, ловкая, а как поёт! Увидит синица муху на стене, сорвётся с места, поймает, сядет на шкаф с книгами и лакомится. Каждый угол в комнате проверила. Тюкнула

клювом солнечный зайчик на ковровой дорожке и принялась хозяйничать: то на вазочку с вареньем залезет, то на лампочке повисит, то в горшке с цветами начнёт землю ковырять... Так и хлопотала до самого вечера.

Утром разбудило Люсю тёплое майское солнце. Открыла она глаза, протёрла их кулачком и спрашивает у мамы:

– А где синичка?

– Знаешь, дочка, уж очень синица в окно билась. Верно, своих подруг заметила. Открыла я форточку и выпустила её.

Загрустила Люся, не стала завтракать – хотелось ей скорее в сад бежать, синицу искать. Да где уж там – птички и след простыл.

– Не горюй, – успокаивала её мама. – Вот увидишь, прилетит ещё к нам наша синичка.

Однажды летом мама открыла окно, а с вершины тополя доносится знакомая песенка.

– Мам, мамочка, смотри!.. – обрадовалась Люся. – Наша синичка!

Мама внимательно присмотрелась и увидела порхающую в листве белую лазоревку. За ней – другую, и ещё целый выводок светло-серых птенчиков.

– Это наша синичка прилетела, хочет нам своих деток показать. Спасла ты её от холода весной. Свила она гнездо в кустах и вывела птенчиков. А теперь начала их учить летать. Вот и навестила наш тополь.

ТЮЛЬПАНЫ

У нас в саду весной распускаются красные и жёлтые тюльпаны. Мама срезает цветы, делает букет. Ставит его в хрустальную вазочку на веранде. Когда дует ветер, тюльпаны покачивают головками, словно зовут кого-то...

Люся выбежала на веранду, запрыгала, заплясала. Потом взглянула на цветы, притихла и спросила у мамы:

– Кого зовут тюльпаны?

– Давай отойдём в сторонку и посмотрим.

Мама с дочкой пошли в сад, сели на скамейку и стали наблюдать за цветами. К тюльпанам подлетел чёрный плюшевый шмель, загудел, влез в цветок, словно в мягкую колыбель, и сразу притих. Белая бабочка-капустница присела на один бутон, потом перепорхнула на другой и унеслась в огород. Потом пчела...

– Догадалась, кого зовут тюльпаны? – спросила мама.

– Шмеля, бабочку, пчелу...

– Правильно.

Мама взяла дочку за руку и пошла с ней гулять в поле.

После обеда Люся уснула. Ей приснились тюльпаны в хрустальной вазочке на окне. Над ними порхали жёлтые, красные, голубые бабочки, вились и медоносно гудели пчёлы.

Тюльпаны звали Люсю, приветливо кивали головками и даже... улыбались ей.

ЛЕТО НА ВЕРЁВОЧКЕ

Знакомой тропой Люся и дедушка идут гулять к реке Серебрянке мимо сарая, доверху заваленного берёзовыми дровами, мимо старой липы с чёрными опустевшими грачиными гнёздами, мимо кряжистого пня, обросшего серыми тугими копытцами грибов-трутовиков.

Опавшие листья, тёмные стебли крапивы, прибитые к земле холодной росой, похрустывают под ногами.

А кругом тишина. Только звонко перекликаются синицы: пинь... пинь... трр... ах.

В воздухе пахнет горькой полынью, пряной мятой и свежестью.

– Деда... что там за верёвочка на небе?

Вверху, тяжело и устало махая крыльями, летели птицы.

– Журавли пошли в отлёт. Лето за собой волокут.

– А куда?

– В жаркие края уносят. Туда, где не бывает зимы.

Люся остановилась, сорвала с головы платок и помахала на прощание журавлям и лету.

ВЕСНА – ВОЛШЕБНИЦА

– Дили-дили-дон-дон! – с тонких веток ивы, с длинных серёжек посыпалась на землю, на хрустящий ледок звонкая капель.

– Динь-динь-дон! – зазвучала радостная мелодия.

И будто по мановению волшебной весенней капли, всё вокруг стало преображаться, полниться звуками, красками, запахами.

На склоне оврага ожила, зажурчала, запела струйка воды. Выбралась из-под талого снега и напоила ручей. Скатился ручей в ложбинку и влился в животворный вешний поток.

– Фють-фить! – лихо свистнул на сосне голубой акробат-поползень. Пробежался по стволу вниз головой и... бултых в воду. Забил крыльями, распушился – хороша весенняя баня!

Забралась талая вода под корни старого кедра в норку бурундука: вставай, полосатый! Прыгнул зверёк на камень, вытянулся столбиком – и давай тереть мордочку лапами. Глаза – смородины. Чёрные полосы блестят на рыжей спине. Умылся, разом похорошел.

Выбежала талая вода на лужок, а там коза с козлятами. Обрадовались козлята вешнему солнышку, первой зелёной траве, задрали хвосты и давай через родник скакать – кто дальше, кто быстрее!

Добралась вода до медвежьей берлоги. Подняла с лёжки медведицу с медвежатами. От ветра, от сладких запахов земли закружилась голова у косолапых, начали они кувыркаться. А потом залезли на дуб – с высоты чего только не увидишь!

Затопила талая вода пойму реки – бобров растревожила. Забрались они на свои хатки, обсушились на солнышке и начали из вётел запруды строить.

Повсюду в лесу ещё голо. И вдруг из-под замшелой кочки, точно праздничный букет, маленькое деревце – всё в розовых и лиловых цветах. То зарумянилось волчье лыко.

А на лесной опушке проснулись и ожили прошлогодние осенние листья. Это с теплом вспорхнули, закружились над проталинами, над голубыми подснежниками первые бабочки. А величают их по цвету: жёлтые – ли-

монницы, белые – капустницы, красные – крапивницы... То-то веселье! Видно, не даром в народе говорят: весна-красна чудес полна!

СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД

Светлой памяти друга – Г. Цыферова

Тихи, задумчивы сентябрьские дни. Просторнее, светлее становится старый парк. В тёмных заводях пруда ржавеют и тонут листья кувшинок. Внезапно ночной морозец опалил клёны и они сделались золотыми. А потом задули ветра, потёк листопад.

По утрам дворник Архип подметает аллеи парка. Однажды за ним увязался пятилетний внук Митька. Сперва он бойко махал веником, но вскоре это ему надоело, мальчик спрятал веник в кусты и посмотрел по сторонам. У забора он заметил холмик листвы и вообразил, будто это терем, в котором живёт серебряный ёж. А потом Митька решил построить разноцветные дома. В одном поселит оловянных солдатиков, в другом – плюшевого мишку-топтыжку, в третьем будет ночевать самосвал.

Митька берёт охапку листьев и раскладывает их по цветам. Мальчик увлечён работой, он творит, изобретает, строит.

Вокруг Митьки один за другим растут дома – красные, оранжевые, фиолетовые. Наконец сказочный город

почти готов. Но тут налетел ветер, и дома, точно бабочки, поднялись в воздух. Кружатся над головой, порхают и, обессилив, садятся на дорожки, на скамьи, на плечи Митьке, но строитель не огорчается. Ему нравится, что дома в его городе летают. Улыбаясь, он ловит листья и принимается строить всё заново. А чтобы город не улетел снова, присыпает дома песком. Непослушный петушиный вихор и лоб – всё в песке.

Решив передохнуть, дед снимает рукавицы, поворачивается к внуку:

– Ишь перемазался как! Вот погоди, достанется тебе «на орехи»!

ОРЕХИ НА ЧЕРЁМУХЕ

Ночью была гроза. Порывистый ветер гнул сучья. Трещали и скрипели стволы деревьев. С рассветом дождь перестал. Солнце пробилось сквозь цепочку серых туч. Под окнами запели скворцы. В их прощальных песнях слышится радость и грусть.

Егорка выскочил из дому. Запрыгал по дорожке, оставляя на песке следы. Остановился возле калитки. Забор погнула черёмуха. Старая, дуплистая, она навалилась на него, будто прилегла отдохнуть.

Егорка потряс мокрый, шершавый ствол, словно попросил дерево: «Хватит лежать – поднимайся!» Вдруг

откуда-то на него орехи посыпались: один, другой, третий...

– Дедушка! – позвал Егорка. – На черёмухе орехи выросли!

– В огороде бузина, в Киеве дядька, – отозвался дед. – Утром будильник стал разбирать и сломал... Теперь орехи на черёмухе?

Не спеша дед подошёл к забору, как доктор, ощупал и осмотрел дерево. Сунул руку в дупло – и на его широкой морщинистой ладони появились орехи...

– Чудеса на свете творятся... – улыбнулся старик.

Вдруг прямо по траве к черёмухе рыжий бельчонок скачет. Заметил непрошенных гостей, встал на задние лапки да как рассердится, как зацокает: «По какому такому праву мои орехи берёте?!»

Дед поманил внука и спрятался с Егоркой за кустами смородины.

Бельчонок успокоился, мелкими скачками стал приближаться к черёмухе. Прыгнет, остановится, головку вытянет – воздух понюхает. Схватит зубами орех – и стрелой назад.

– У бельчонка нынче день год кормит, – сказал дед. – Надо до снега поспеть в новую кладовую запасы перетаскать!

БЕЛИЧИЙ ПОРЯДОК

Запасал ёж на зиму грибы сыроежки: один у елового пня зарыл, второй – в кусты можжевельника упрятал, третий – в ямку у дороги замуровал.

Бегал-бегал по опушке, хлопотал-хлопотал, умаялся и залез к себе в норку под старой ольхой. Укрылся с головой сухим листом и начал вспоминать: где что лежит... Бился день, бился другой – никак не припомнит. «Уф! Даже голова закружилась...» Зевал, зевал, отчаялся и заснул крепким сном до самой весны.

Белка разыскала грибы по запаху и к себе в дупло снесла. А одну сыроежку с большой фиолетовой шляпкой на острый сук нацепила. И зацокала, обрадовалась: «Запас места не пролежит. У меня не ежиный порядок, а беличий».

МУХОЛОВКА-ПЕСТРУШКА

Летом в нашей избе мух развелось видимо-невидимо. Никакие мухоморы и липучки не помогали.

Тут я стал замечать, что какая-то пёстрая птица клювом в стекло постукивает, по которому мухи ползают. Ну и нарядная она! На груди – белый фартук. Головка, спина и хвост – чёрные. А на крыльях – белоснежные горошины.

Открыл я окно, а сам за дверь спрятался. Интересно, что дальше будет. А птица влетела в комнату и стала мух ловить. Да так ловко, проворно, словно маленький

ястребок. Поймает муху и тут же в сад несёт, в дупло старой липы: птенцов кормить. Там гнездо у неё было.

– Хороша помощница, – сказала мать.

– Шустрая! – кивнул я. – А знаешь, как я её прозвал?

– Как?

– Мухоловка.

– Правильно, – рассмеялась мать. – Так она и в природе зовётся – мухоловка-пеструшка.

МАА ДА УДАА

Вовка Вербов подарил мне на майские праздники щенка волкодава. Звали его Байкал. Ни у кого из моих друзей и знакомых такой собаки не было. За полгода Байкал вымахал ростом с телёнка, а голос у него сделался густым и хриплым...

Стоило Байкалу зарычать, как все соседские кошки на деревья лезли... И даже бодучий одноглазый козёл Митрий, огородный пират и бедокур, и тот перед собакой пасовал... тряс хвостом и к забору пятился.

Вовка подтрунивал надо мной:

– Здоров у тебя пёс! Настоящий зверюга! Теперь тебе даже медведь в лесу не страшен.

Частенько я бродил с собакой по дубовым и ольховым гривам, по болотам, по молодым березнякам...

А как-то раз осенью шёл я с Байкалом в сумерки по полю. Сухая трава шелестела под ногами.

Внезапно Байкал остановился в десятке шагов от меня и замер. Затем бросился в сторону и стал отчаянно грести лапами. Вскоре из-под земли донеслись фыркание и визг. Я подошёл ближе и увидел норку хомяка. Мне стало жаль зверька, и я окликнул собаку. Но Байкал вошёл в азарт и продолжал с яростью рыть лапами землю. Вот уже его голова ушла в нору. Я кинулся к собаке, но тут... Байкал с визгом отскочил и трусливо попятился назад.

Видно, смелая хомячиха, защищая своих хомячат, бросилась на собаку и больно куснула грозного зорителя за нос.

– Ай да хомячиха! – похвалил я отважного зверька. – Не растерялась перед громадным вражиной. Дала ему «прикурить»! Недаром в народе говорят: «Мал да удал».

В ЛЕС, ПО ЯГОДЫ

Жил у нас на селе Петька Вдовин – гроза садов, огородов и птичьих гнёзд.

И вот какой с ним диковенный случай приключился. Пошёл как-то Петька в лес по ягоды. А по дороге из дупла корявой липы серо-бурая птица выпорхнула. Величиной с воробья и странная такая: хохолок подняла, веером хвост распушила, длинную шею вытянула...

– Гнездо у неё там, – смекнул Петька. – На обратном пути разорю...

Набрал черники полный туесок, не спеша возвращается. Малинник, развилка дорог, а вот и тёмная корявая липа. С трудом вскарабкался Петька на сук и только собрался сунуть руку в дупло, как оттуда шипенье послышалось... и змеиная головка на длинной шее выглянула.

Перепугался Петька, бросил туесок с ягодами и домой тикать.

Собрал ребят у крыльца и объявил им новость:

– Знаете, на опушке в дупле старой липы змея живёт.

– Где-где? – переспросили ребята.

– В дупле старой липы!

Митька Буров покачал головой да как захохочет:

– Ну и залил. Да я эту змею давно приметил. Только вовсе она не змея, а птица такая. Кличут её вертишейка. Кто её обидеть захочет, на того она шипит. Понял?

– Ну... – в недоумении промычал Петька.

– Точно. А ещё она разные гримасы строит да змеиной головкой на тонкой шее вертит, – продолжал Митька. – Недаром она – вертишейка. Пошли, глянем...

– Дудки, – отмахнулся Петя. – Хоть она и птица, а всё равно змея. Раз шипит, значит, и ужалить может.

– Обязательно тебя хватанёт, – пригрозил ему Митька. – Не будешь гнёзда зорить!

Петька надулся и убежал в избу. С той поры он больше не обижал птиц.

КТО ХИТРЕЕ?

Похвастался как-то енот лисе, что охотника провёл. Только рыжая плутовка не больно поверила.

– Тебе ли, увальню, провести! – усмехнулась лиса. – Глянь-ка на себя: весь шерстью оброс, даже глаз не видно. Да и бегать быстро не можешь.

– А ты, кума, погоди... – отвечает енот.

Смотрят – а навстречу идёт охотник с ружьём.

Плутовка поскорее в кусты спряталась, а енот выбежал на дорогу и мёртвым прикинулся.

Охотник тронул зверя палкой, а тот не шелохнётся. Покачал головой охотник и отнёс енота в овраг. Положил под ракитовый куст.

А еноту того и надо было. Залез в нору – только хитреца и видели!

АНДРЕЙКИН АПРЕЛЬ

Есть в нашем доме мальчик. Зовут его Андрейка Воробьёв. С виду мальчик как мальчик, с осени в школу пойдёт, но, пожалуй, на всей нашей улице не найти более любознательного, чем он. Посидишь с ним рядышком на скамейке, разговоришься и вскоре поймёшь, что всё-то на свете Андрея интересует: и какой цветок на пригорке первым распускается, и почему

в деревне трясогузку прозвали «ледоломкой», и отчего апрель – голубой...

Весной Андрей гостит у деда в деревне. Дедушка у него лесник и знает про разные чудеса в природе. Однажды я договорился с родителями Андрея, мы с ним вместе сели в поезд и поехали к дедушке в Таганьково. Мы решили побродить по лесам и полям, подышать вольным речным воздухом, послушать птичьи запевки. А увидели мы на лесных просторах в апреле много нового, удивительного. Об этом наши короткие рассказы...

ТИХИЙ ЗВОН

В деревне Таганьково дома просторные, деревянные, пятистенные. Едким дымком пропахшие. Солнцем обжаренные. Только наличники на всех окнах разные, с красивым причудливым узором. А у дедушки на крыше – резной петух. За домом сад, огород, поле, лес... Простор необъятный.

Поле – чёрное-чёрное, а над ним пар. Днём пар белый, а по вечерам голубой.

– Земля полюшком дышит, а лесом слышит, – говорит дедушка. Нагибается, берёт горсть земли, нюхает: – Пахнет талой водой и ветром! А лес звенит птичьими голосами.

С каждым днём солнышко припекает всё жарче и жарче. На дворе лужи по ночам не замерзают. К лесу не подступиться – утонешь в мокром снегу. А на высоких липах кричат, хлопочут взъерошенные грачи.

– Глянь-ка! Вишь, как грачи-работяги дружно за дело взялись. Ремонтируют старые гнёзда, строят новые. А знаешь, кто первым из крылатых чует весну?

– Нее-а, – помолчав, отвечает внук.

– Наши постояльцы. Те, кто у нас круглый год под крышей чирикают.

– Неужели воробьи?

– Они самые, – кивает дедушка. – Забияки. Гоняются друг за другом. Дерутся на заборах. В лужах купаются. Кто-кто, а задира воробей первым теплу рад-радёшенек!

В полдень мы выходим во двор, прислушиваемся... Снег тает, кругом тихий звон, а в лесу с еловых лап падают капли: день-динь-дон. Это и есть поступь весны, её первые робкие шаги.

СОЛНЕЧНЫЙ ОГОНЁК

Залез Андрей на пригорок. Глянул вниз, а там желтым-желто. Целая лужайка цветов. И все горят, словно огоньки.

– Дедушка! Кто их зажёл?

– Солнышко.

Оказывается, проснулось солнце чуть свет. Засверкало в траве, высушило росу. Обрадовалась трава теплу, да и загорелась огоньками.

Внук нагнулся, сорвал цветок и протянул дедушке. Тот взял его в руки, понюхал и говорит:

– Мать-и-мачеха – первый цветок весны...

– А почему его так прозвали?

– По листу. Сверху лист гладкий и холодный – мачеха. А снизу тёплый и покрыт мягким пушком – мать. Вот и выходит: мать-и-мачеха!

– А где же листья?

– Пока их ещё нет. Отцветут цветы – и листья вырастут. Если простудишься и кашлять начнёшь, солнечный огонёк тебя вылечит. Заваривай, как чай, и пей на здоровье!

НАСТОВИКИ

С вершины ели, с мохнатой лапы, сорвалась шишка, со звоном ударилась о землю. Вспугнула зайчонка-настовика. Подпрыгнул косой вверх, словно мяч, и выкатился на зелёную проталину. Встал на задние лапы, в страхе ушами поводит. Вдруг, откуда ни возьмись, к нему второй живой мячик пожаловал. За ним – третий. Вытянулись зайчата столбиками, потёрлись носами и дали стрекача в овраг, к ракитовому кусту.

– Теперь будут скакать от дерева к дереву, от проталины к проталине, от куста к кусту, – усмехнулся дед. – Тем весна и красна, что у шустрых зайчат-настовиков голова от радости кружится. Бегают наперегонки! В салки играют!

ПОЛУНОЧНИК

Смеркалось. Длинные тени легли на дорогу. Вдруг из-под кучи хвороста возле сарая вылез ёж, худой, колючий, голодный. Забрался на бугорок, где земля посу-

ше, поднял к небу серую курносую мордочку – воздух понюхал.

– Уф! – зевнул разок, другой, да как чихнёт!

– Будь здоров, полночник! – подбодрил ежа дедушка. – Считаю, что целых полгода из норы носа не казал!

Зашёл дедушка в дом и угостил колючего полночника ломтиком белого хлеба, размоченного в молоке.

Ёж с жадностью набросился на еду. Чавкал, лакал, гремел блюдцем. Потом фыркнул, запыхтел, точно паровоз, и куда-то исчез.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Небо голубое-голубое, а по нему белыми пёрышками плывут облака. Недаром их зовут перистыми. Воздух пахнет тополиной смолой так остро и сладко, что начинает кружиться голова.

– Самое скворчиное время! – сказал дед.

Но сколько раз Андрей ни вставал спозаранок, сколько ни прислушивался к птичьим голосам, так скворцов и не увидел.

А как-то подул тёплый ветер, выглянуло солнце, и откуда-то сверху послышался тихий, протяжный свист.

«Неужели скворцы?» – Андрей пригляделся к деревьям и заметил на берёзе пять тёмных птиц. Они сидели на ветках у самой вершины. Потом вдруг переполошились, закричали, снялись с дерева и полетели к реке. А спустя полчаса снова вернулись в сад. Стали проверять свои прошлогодние квартиры, выбрасывать из них сор, куриные перья. Но что такое?! Один чёрный непоседа скворец с кольцом на ноге места себе не найдёт. С опаской поглядывает то на Андрея, то на свой дом на берёзе, а внутрь заглянуть побаивается.

«Может, там кто на зиму поселился?» – подумал мальчик.

И правда, вскоре из летка выглянула тёмная мордочка.

Андрей схватил палку и постучал по стволу:

– Вылезай-ка живей!

Из скворечника выскочила белка. Ушки торчком. Взялась по стволу кверху, перепрыгнула на липу, потом на тополь – и ускакала.

– Пусть незваная гостья в лесу живёт, – проворчал ей вслед дедушка. – В сосняке да березняке ей раздолье.

Того чёрного, вертлявого, с кольцом на ноге скворца Андрей запомнил надолго. Он поселился в скворечнике, где жила белка. Частенько сидел на яблоне под окном, на старой липе. Постучит-постучит носом о сук, да и песенку вполголоса затянет.

– На нашего соседа, сапожника Яшку Ручьёва, походит, – сказал дед. – Яшка тоже вначале молотком постучит-постучит, плечи расправит, да и песню заведёт: «Степь да степь кругом... Путь далёк лежит...»

Внук пригляделся к птице – верно подмечено. С того дня он и прозвал скворца Яшкой.

КОНЦЕРТ НА БЕРЁЗЕ

Когда грядки в огороде копали, Яшка рядом вертелся – жуков, червей подбирал. А потом взлетал на берёзу, давал свой концерт, в конце которого начинал по-собачьи лаять, подражая старому дворняге Валету.

– Семейей обзавёлся, – грозил ему палкой дед, – а всё туда же... Над собакой потешается!

Однажды подошёл Андрей к берёзе и услышал вверху какой-то писк. Глянул на скворечник и догадался,

что там вывелись птенцы. Сперва ему захотелось влезть на дерево и посмотреть скворчат, но вспомнились слова деда: «Птицу на гнезде нельзя тревожить, а то она улетит навсегда». И теперь по утрам Андрей издали наблюдал за скворцами. Дней через десять птенцы подросли, и шуму от них стало больше: то и дело высовывают в леток свои жёлтые клювики.

А Яшка со скворчихой совсем из сил выбились: снуют туда-обратно.

– Теперь скворцам не до песен – настала горячая пора, – вздохнул дедушка. –хлопот полон рот! Нелегко прокормить такую большую семью. Небось ртов шесть-семь.

Андрею очень захотелось помочь скворцам. Только как это сделать? Он сбегал на кухню и притащил от бабушки блюдо овсяной каши. Поставил его под деревом. И надо же – Яшка тут же смекнул, в чём дело, слетел на землю, набрал полный клюв каши и юркнул в леток. Андрей обрадовался и поделился новостью с дедом.

– Доброе дело сотворил. – Дедушка похлопал внука по плечу. – Скворец не только голосист, но и проворен. Много вредителей уничтожает...

ПОД КОПЫТОМ ЛОСЯ

Однажды утром из тёмного леса вышел лось. Рога лопатами. Шерсть клочьями. Походил по опушке, поглотил осиновую кору и спустился к реке. Захотел сохатый по льду на другой берег перейти, туда, где голубеет вдаль берёзовая роща. Ступил на лёд, а он прямо под копытом треснул. И вдруг кругом стало шуршать, греметь, позванивать. Лось попятился назад. Задрал голову кверху и промышчал по-своему, по-звериному: «Ле-до-ход!» Пригнул рогатую голову к земле и повернул назад, к лесу.

ЛЕДОЛОМКА

Дедушка Макар распахнул дверь, глянул на речной простор:

– День-другой, прилетит трясогузка – и лёд тронется!

«При чём тут трясогузка?!» – удивился Андрей и не придал словам деда значения. А после обеда побежал берегом реки, глянул вниз, а там вода ожила. Кипит, бурлит, ломает сизые льдины. Кругом – шум, треск, гул. Одна храбрая птаха перелетает с льдинки на льдинку, трепещет крыльями и посвистывает: «пи-лик, пи-лик». Хвост у неё длинный, качается вверх-вниз, вверх-вниз.

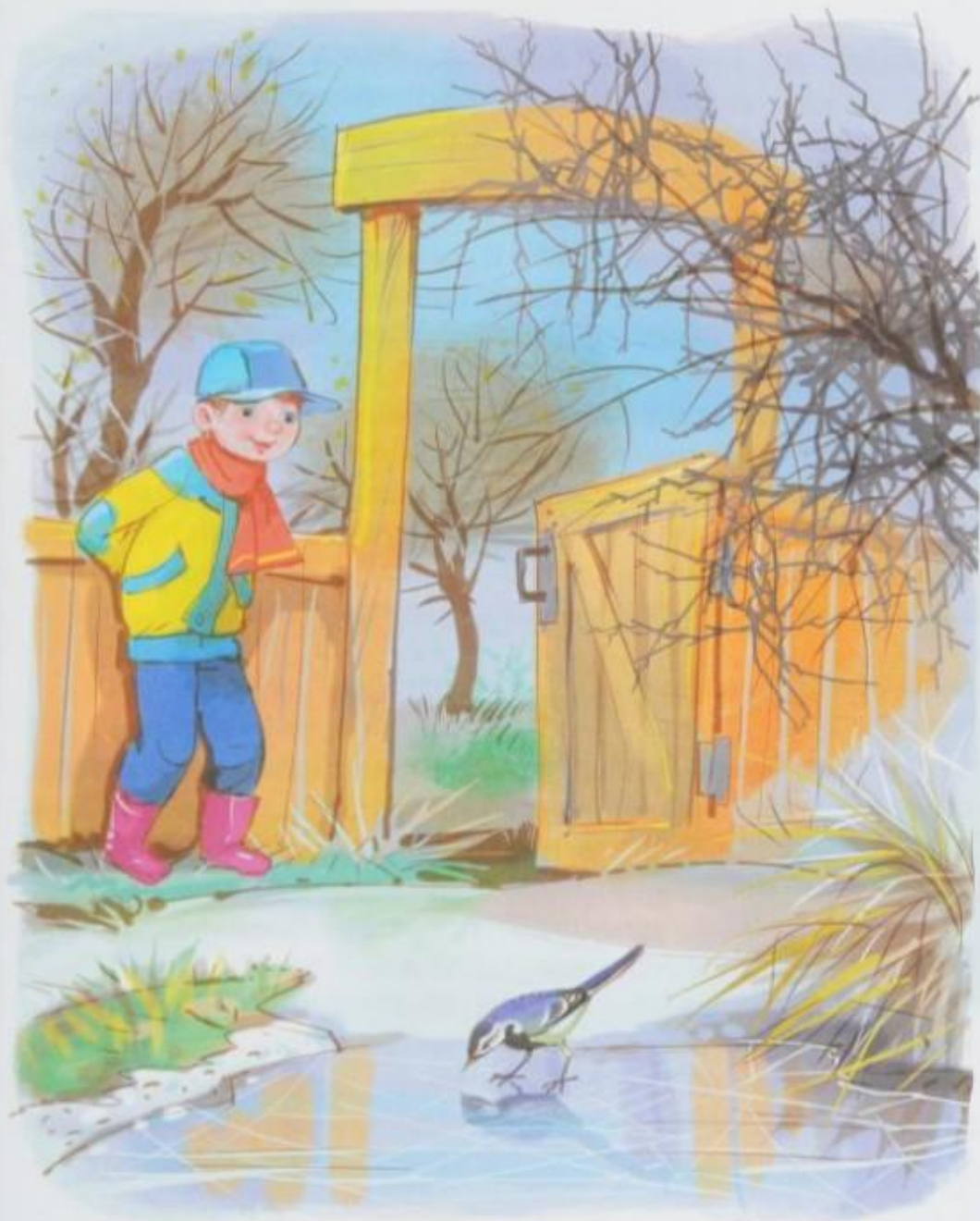
Ребята на другом берегу хлопают в ладоши и кричат:

– Ледоломка! Ледоломка!

Значит, дедушка прав оказался: прилетела трясогузка и хвостом лёд разбила.

А потом Андрей вышел в сад и заметил трясогузку на коньке крыши. Подкрался ближе и рассмотрел её хорошенько. Юркая, на тонких пружинистых ножках. На груди – чёрный фартук. На голове – чёрная шапочка. Звонко пропела: «пи-лик, пи-лик!» – поздоровалась. И принялась бегать и танцевать по крыше. Ловкая, быстрая. Полёт у неё плавный, волновой.

Притворил Андрей за собой калитку и пошёл по дороге к опушке. Вдруг в нескольких шагах от него приземлилась у лужицы другая трясогузка. Воды напиться

захотела. Да не тут-то было – ночной морозец сковал лужу тонким ледком. Птица прыгнула на лёд и затанцевала, покачивая длинным хвостом. Прямо как балерина в театре. Но ледок затвердел – никак не ломался.

Андрей зашагал дальше, а трясогузка принялась бегать по дороге, выискивая и склёвывая что-то на земле. Когда расстояние между ними сокращалось, птица вспархивала и отлетала вперёд, сверлила мальчика чёрными глазками.

Над лесом взошло солнце, начало припекать землю. Трясогузка повеселела, вспорхнула и полетела назад – к луже. Ледок тем временем успел подтаять. Птица стала бегать возле лужицы и ловить жучков, комаров. Затем окуналась в воду по самую грудку и била крыльями – хороша солнечная баня на просёлочной дороге!

ЛЕСНОЙ ПЕТУШОК

Лес за рекой большой, дремучий. Дедушка сказал, что там даже медведи и волки водятся. Раза два Андрей в нём плутал, а потом решил так: где корова мычит, где овца блеет, где собака лает – там деревня.

Как-то они с дедушкой по лесу бродили. Далеко в чащу зашли. Начало смеркаться.

– Ну-ка, рассказывай! Где наш дом? – спросил дедушка.

Поглядел внук по сторонам – места незнакомые. Прислушался: далеко-далеко глухо собака лает, точно кто в бочку кашляет. Видно, пёс старый. И не раздумывая, махнул рукой:

– Вон там, там собака...

Дедушка приложил к уху ладонь, прислушался, качнул головой и рассмеялся:

– Вовсе это не пёс!

– А кто же?

– То лесной петушок – белая куропатка токует.

Тут дедушка Макар как свистнет да ухнет филином.

Лесной петушок сразу умолк. Оборвалась его песня. Кругом сделалось тихо-тихо.

Зашагали дед с внуком к деревне. Оказалось, дом их совсем в другой стороне. Ошибся Андрей малость, но это не беда, зато услышал, как токует белая куропатка.

БОЛЬШОЙ ПЕРЕПОЛОХ

Ходят вдоль забора куры – червей выискивают. А бронзово-красный петух, встрёпанный и сердитый, зорко на них поглядывает, разбежаться не даёт.

Вдруг с крыши, с телевизионной антенны: «Ку-ка-ре-ку!...» Услышали куры незнакомый голос, взволновались, закудахтали. А одна пеструшка с перепугу на забор взлетела.

Петух тоже насторожился.

А с берёзы снова: «Ку-ка-ре-ку!...»

Переполошились куры и – бежать куда глаза глядят. Только петух ни с места. Ногу поднял, клюв о камень почистил, шпоры наострил – к бою приготовился, проучить соперника вздумал.

А с дерева звонкая песенка полилась. Если прислушаться, то и лягушку-квакушку узнаешь, и жаворонка, и ворону. Это скворец в свою песню разные голоса вплетает.

Скворцу потеха – а петуху большой переполох.

ЖАВОРОНОК

Бежал Андрей через поле на почту. Письмо деда опустить. Вдруг от пашни неожиданно отделилась куртинка, ожила, встрепенулась, забила крыльями и превратилась в птицу.

Неприметно птица набрала высоту и исчезла, будто растворилась в поднебесье.

Андрей остановился и прислушался. Сверху до него долетел звон бубенчиков. Во все глаза стал смотреть в небо. И наконец в самой вышине приметил тёмную точку.

– Жаворонок! – прошептал Андрей.

Птица то парила низко над землёй, то взмывала в вышину и повисала на одном месте, трепеща крыльями. Она радовалась весне, светлому апрельскому деньку, солнцу, зелёной траве-мураве.

Внук заслушался и чуть не позабыл про письмо.

Над барсучьим оврагом курилась розовая дымка тумана.

Ветер сорвал с головы Андрея фуражку, нагнал серые тучи и... птица скрылась из глаз.

Мальчик побежал дальше, а трели жаворонка всё звенели и звенели в ушах. Бежал Андрей и думал: «Почему

звенит жаворонок? На земле молчал, а в небо взлетел – зазвенел? Может, у него под крыльями бубенчик?»

– Чего такой весёлый? – спросила его на почте тётя Настя.

Андрей улыбнулся ей в ответ и протянул письмо деда:

– Бубенчик прилетел.

– Какой такой бубенчик?

– Жаворонок! Тётя Настя, а что у жаворонка под крылышками звенит?

– Ничего.

– А бубенчик?

– Никакого такого бубенчика у птицы нет! – улыбнулась тётя Настя. – Просто крылышки у неё больно лёгкие, а горлышко ой какое голосистое.

Много птичьих голосов довелось услышать Андрею вешней порой в полях, лугах и лесах, однако трели жаворонка, просыпавшиеся с небес золотым дождём-сеянцем, запомнились навсегда.

ЛУГОВИКИ

Над заливным лугом, над Марьиным болотом с утра до сумерек кружат быстрокрылые кулики-чиби́сы. Писклявыми голосами выпрашивают у прохожих: «Чи-вы, чи-вы?»

Дедушка сказал Андрею: чиби́сы очищают луга от жуков, улиток, слизняков. В деревне их кличут луговиками.

– Выходит, чиби́сы – санитары! – смекнул Андрей.

– И санитары, – подтвердил дедушка, – и храбрецы!

– Как так храбрецы?

– погоди... Скоро сам убедишься.

Как-то пошёл Андрей с дворнягой Дружком на прогулку. Спустил пса с поводка, а тот на радостях заплясал, подпрыгнул, лизнул мальчика в щёку и помчался по лугу. Спугнул с гнезда чиби́сиху. Тут-то и началось настоящее сражение. Чиби́сы стали дружно «пикировать» перед носом Дружка, с шумом хлопать крыльями, кричать пронзительными голосами.

Молодой пёс испугался, поджал хвост и – бежать со всех ног куда глаза глядят.

Андрей тоже поспешил поскорее отойти и посмеялся над Дружком. А дома рассказал обо всём деду.

– Дружок ещё куда ни шло! – ответил дед. – Пёс несмышлёный да трусливый! Я не раз видел, как чиби́сы ястребов да лисиц от своих гнездовых гоняли.

– Лисиц?

– Да, плутовок. Вот бежит полем кумушка, только рыжая шуба вдали мелькает. Завидит её издали чиби́с-сторож и поднимет страшный крик: «Уйди-и-и-и!» Заслышав сигнал тревоги, чиби́сы слетят с гнездовой и стайкой, словно ястребки, начнут преследовать рыжуху. Птицы стараются нагнать с высоты и покрепче напугать лисицу. Вот потому и трезвонят на всю ширь: «Уй-ди-и-и» да «уй-ди-и-и!».

– А лиса?

– Не на шутку обозлится кума, на хитрость пустится: припадёт к земле, уши прижмёт, затаится. А потом как

прыгнет вверх на занозистую птицу. Да разве поймать лисе чибиса в небе! Погоняется, погоняется плутовка за куликами взад-вперёд, из сил выбьется, хвост подожмёт да и припустит к лесу несолоно хлебавши!

Подивился Андрей смелости птиц, вышел на крыльцо, прислушался. Вдали, над сырым кочковатым лугом,

летали и как бы играли в небе в догонялки чиби́сы. Песня у них протяжная и немного грустная: «чи-вы, чи-вы?». Один луговик отлетел в сторону и зашагал по талой воде. На голове у него чёрный хохолок. Чи-бис то поднимает его, то складывает, будто веер. Спина тёмная. На белых щеках чёрные «усы». Грудь – белоснежная. А на шее словно чёрный галстук повязан. Настоящий крылатый щёголь!

ПЕНОЧКА-ПЕРЕСМЕШКА

Была у Андрея привычка – любил он передразнивать кого-нибудь: то вороной каркал, то собакой лаял, то картавил и заикался, как сосед Петька Хлебников... Однажды он головой крутил и бодался – чёрного козла Шута представлял.

Дед посмотрел на внука, усмехнулся и говорит:

– Эх ты, пеночка-пересмешка!

Сперва Андрей на него обиделся: при чём тут пеночка?

А дед пояснил:

– Пеночка-пересмешка – птица забавная. Пушистая – как барашек на вербе. В лес сходим – увидишь.

На другой день встали они пораньше и в обход отправились. Идут по березняку, а кругом птицы щебечут да пёстрый дятел кору долбит.

У перекрёстка дорог дед остановился, прислушался и указал глазами на куст бузины. А там малая юркая птичка скачет и на разные голоса поёт-заливается:

то синицей затенькает, то лягушкой квакнет, то горихвосткой пригорюнится – «уйть, уить, уить...». Голосок каждой птички раза два повторит, да ещё приговаривает: «чэк-чэк». Издали кажется, словно «концерт» в кустах: кто из крылатых лучше поёт. А сама птичка маленькая, зелёная, с жёлтой бровкой над глазом. Юркая.

– Вот тебе и пеночка-пересмешка, – дед широко улыбнулся, – а ты серчать на меня вздумал.

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗОРЬКЕ

Солнце заходит за дальний Чугреев лес. Смолкают голоса птиц. Неприметно, крадучись наступают сумерки. Ключья влажного тумана ползут-растекаются по земле. Туман окутывает дома, пожарную каланчу, вёклы у реки. Всё кругом затихает. А со стороны мельничной плотины доносятся протяжные звуки: «Курлы-курлы-курлы...» Будто там, далеко в дали заиграла серебряная труба. Но вот звуки смолкают, и в небе проплывает клин журавлей.

Дедушка проводил птиц долгим взглядом:

– На Марьино болото потянули.

– Зачем?

– Ногой пробуют, скоро ли земля оттаёт.

– А скоро?

– Вот-вот болото оживёт. Заголубеет незабудками. Лягушки заквакают. Жуки полетят. А у журавлей новоселье: свадебные пляски...

Андрейка слушает дедушку и мечтает хоть одним глазком взглянуть на журавлиную пляску.

ЖУРАВЛИНАЯ ПЛЯСКА

Плакучие ивы свесили ветви к самой воде. Отдалённо и нежно зеленеют холмы и луга. Бледно-серое небо светлеет, подёргивается зыбкой рябью облаков. Апрельский денёк обещает быть светлым и тёплым.

Дед с внуком облюбовали для рыбалки глухой омут, размотали удочки.

– Располагайся! – Дед указал на ствол полузатоленной ветлы.

Андрей с опаской оглядел торчащую из воды корягу, похожую на голову диковинного зверя, погладил рукой влажный бархатный мох.

«Курлы!» – прозвучало в небе.

Андрей вздрогнул от неожиданности.

«Курлы! Курлы! Курлы!» – раздалось вдалеке протяжные звуки и, спустя несколько мгновений, повторились.

Внук поднял глаза от поплавка и увидел, как на другом берегу кружились большие птицы. Одни выбрасывали ноги вперёд, махали крыльями и садились. Другие хохлились, потягивались, чистили клювами перья, а когда ступали и проваливались в трясину, казалось, что их длинные ноги складывались пополам.

– Журавли...

На лесном болоте, поросшем мхом и кривыми берёзками, птицы приосанились, стали в круг. И тут статный серый журавль протрубил: «Ту-ру-ру!»

Плясуны вострепнулись, взмахнули крыльями, стали скидывать голенастые ноги. Журавли хватали клювами

веточки, подбрасывали их над головами, роняли... и снова подбрасывали.

– Пошли плясать комаринского, долговязые! -- засмеялся дедушка.

Журавли курлыкали, подпрыгивали, кланялись до самой земли...

Потом вожак-часовой вышел из круга, взгромоздился на кочку и снова протрубил: «Ту-ру-ру!»

Журавли опустили головы и притихли.

Пляска кончилась.

Одна за другой птицы поднялись на крыло, вытянулись в небе цепочкой, а затем образовали треугольник.

«Курлы! Курлы! Курлы!» – на землю упал далёкий немного грустный призывный крик.

Андрею на всю жизнь запомнился косяк голенастых плясунов-журавлей, летящий в сыром апрельском белоголубом небе.

СОДЕРЖАНИЕ

Птичий дрессировщик	5
✓ Дымка – хвост бубликом	7
Ёж Фомка	8
Без мамы (сказка)	10
Пожарник Карл	11
Лукерья-кудесница	12
Живой барометр	14
Гроза на носу (сказка)	17
Тайна старого чердака	18
Про рыжего плута Ваську	25
Скок	31
Любитель музыки	35
✓ Почему ёж с лисой встречаться не любит (сказка)	37
Белая лазоревка	38
Тюльпаны	40
Лето на верёвочке	41
Весна-волшебница (сказка)	42
Сказочный город	45

Орехи на черёмухе	46
Беличий порядок (сказка)	48
Мухоловка-пеструшка	49
✓ Мал да удал	50
В лес, по ягоды	52
Кто хитрее? (сказка)	54
Андрейкин апрель	54
Тихий звон	56
Солнечный огонёк	57
Настовики	58
Полуночник	58
Скворцы прилетели	60
Концерт на берёзе	61
Под копытом лося	63
Ледоломка	64
Лесной петушок	66
Большой переполох	67
Жаворонок	68
Луговики	70
Пеночка-пересмешка	73
На вечерней зорьке	74
Журавлиная пляска	76

Литературно-художественное издание

Для дошкольного возраста

Серия «ВЕСЕЛЫЕ КНИЖКИ»

БАРКОВ Александр Сергеевич

ПРО РЫЖЕГО ПЛУТА ВАСЬКУ

Рассказы и сказки

Ответственный редактор А. Ю. Бирюкова

Художественный редактор Ю. В. Разумеева

Технический редактор С. А. Грачёва

Корректоры Е. В. Туманова, Т. С. Дмитриева

Компьютерная верстка И. И. Лысова

Подписано в печать 15.11.2016. Формат 84х100 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,8.

Тираж 3000 экз. D-VKG-20528-01-R. Заказ № 2117.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —

обладатель товарного знака Machaon

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»

Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81

e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат

детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46

Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

 The
Seattle
Public
Library

0 01 00 9109993 6

В книгу вошли замечательные
рассказы и сказки известного детского
писателя **Александра Баркова.**

Эти весёлые, добрые, порой грустные
истории учат детей быть
справедливыми, честными, храбрыми,
самостоятельными, уважать старших
и не обижать малышей.

